

Все культиваторы невольно затаили дыхание.

Они не доверяли Фу Линцзюню, но не могли же не доверять Янь Цунси. И вот теперь именно Янь Цунси, тяжело раненный, первым отделил нить сердечного огня и передал её Фу Линцзюню.

Кровавые следы, ещё не успевшие подсохнуть на дороге, будто хлестнули их по лицу, и каждому стало немного не по себе.

Фу Линцзюнь опустил взгляд. Густые ресницы скрыли мелькнувшее в его глазах удивление. Он и сам не ожидал, что первым отдаст сердечный огонь именно Янь Цунси, но такой исход оказался даже лучше, чем он предполагал.

А затем из его духовного дворца вылетело золотисто-алое изначальное духовное пламя и сгустилось в изящного маленького феникса.

Поглотив эту нить сердечного огня, изначальное пламя разгорелось жарче, и огонь на хвостовых перьях феникса вспыхнул ярче.

Янь Цунси смотрел на порхающего огненного феникса, и в его глазах смешалось слишком много сложных чувств.

Казалось, он хотел о чём-то спросить, но в конце концов так и не открыл рта.

— Линь... господин Юйань, — Е Чжэнвэнь последовал примеру Янь Цунси: тоже сложил печать, несколько раз коснулся груди и отделил нить сердечного огня. Протянув её Фу Линцзюню, он сказал: — Прошу.

Теперь Цзян Чаньюань был уже не чьим-то личным врагом, а врагом для всех. Убить его своими силами они не могли, и единственный шанс на победу был в том, чтобы собрать всю силу в руках одного Фу Линцзюня.

Огромный кроваво-красный кокон раскачивался всё сильнее. Похоже, даже печать, что наложили на него только что, не сможет надолго сдержать Цзян Чаньюаня. Ждать больше было нельзя.

Ещё одна нить сердечного огня влилась в феникса, и мечущийся в воздухе огненный силуэт стал ещё отчётливее.

Е Чжэнвэнь помог Янь Цунси сесть неподалёку. Когда они отошли в сторону, из толпы вышел ещё один человек.

Это был Хуай Чэнъинь.

Молча отделив нить сердечного огня и передав её Фу Линцзюню, он быстро скользнул взглядом по этому незнакомому лицу, а затем перевёл глаза на стоявшего позади Фу Линцзюня огромного мужчину в маске. Этот взгляд был слишком коротким: не дожидаясь никакой реакции, Хуай Чэнъинь опустил голову и сел рядом с главой рода Гу.

Придя в себя, глава рода Гу всё это время сидел на месте и медитацией укреплял душу. Лишь теперь, почувствовав, что сознание перестало расплываться, он решительно подошёл, тоже отделил нить сердечного огня и, очень искренне поклонившись Сян Сину, сказал:

— Благодарю.

Толпа снова зашевелилась, и со всех сторон поднялся гул голосов.

На этот раз, раздвигая людской поток, подошёл Хуай Шоусинь.

Выражение у него тоже было сложное: видно было, что он хочет что-то сказать. Но он понимал: какие слова сейчас ни произнеси, пользы от них уже не будет. Поэтому он молча отделил сердечный огонь, отступил и сел рядом с Янь Цунси.

Когда вперёд вышли Янь Цунси и Хуай Шоусинь, а за ними Е Чжэнвэнь, Хуай Чэнъинь и глава рода Гу, остальные культиваторы наконец тоже начали терять выдержку.

— Они все... отдали.

— По виду Фу Шэн вроде и не собирается нас убивать...

— Так ты отдашь или нет?

— Да отдавай уже, отдавай. Все же отдают. К тому же потом он всё равно должен будет вернуть сердечный огонь.

— Точно. Сначала бы разобраться с этой бедой, а уж потом всё остальное.

— А кто потом пойдёт требовать назад наш сердечный огонь? Если Фу Шэн решит его не отдавать, разве нас тогда не возьмут за горло?

— Чего ты столько болтаешь! Я схожу, ладно? Давай быстрее, а то Цзян Чанъюань вырвется из печати!

— ...

Пусть отношение к Фу Линцзюню у них по-прежнему было хуже некуда, сейчас они всё-таки стояли на одной стороне.

И потому стоило первому культиватору шагнуть вперёд и отделить нить сердечного огня, как за ним пошли второй, третий... Люди сами выстроились в длинную очередь и один за другим вкладывали по нити сердечного огня в изначальное духовное пламя.

Золотисто-алый феникс был весь окутан роскошным огнём. Тело его становилось всё больше, пламя — всё ярче, и когда он расправил крылья за спиной Фу Линцзюня, это печально знаменитое исчадие преисподней вдруг стало выглядеть не таким уж страшным. В этом слишком священном сиянии он и вовсе казался настоящим низвергнутым бессмертным.

В конце концов все культиваторы, собравшиеся на этой длинной улице, тоже пожертвовали по нити сердечного огня, вкладывая свою долю в избавление от великой беды по имени Цзян Чаньюань.

Сердечного демона было не так-то просто уничтожить.

О родовом изначальном пламени дома Фу из Гуанлина они прежде только слышали. Когда большинство из них появилось на свет, клана Фу уже давно не существовало. Теперь же они впервые увидели это пламя собственными глазами. Если вспомнить ещё и слухи о том, что изначальное пламя дома бессмертных Гуанлин способно подавлять сердечного демона, да к тому же вобрало сердечный огонь стольких людей, — возможно, оно и правда сумеет сжечь Цзян Чаньюаня дотла, вместе с телом и душой. После такой мысли потеря сердечного огня уже не казалась им настолько невыносимой.

Кроме одного человека.

Сун Цзиньяо стоял неподвижно с мрачным лицом. В его взгляде полыхала ненависть, но сейчас он мог лишь загонять её обратно и прятаться в углу.

Фу Линцзюнь тоже заметил его и медленно выпустил руку Цзян Тана.

— Куда... ты идёшь? — спросил Цзян Тан.

Фу Линцзюнь провёл ладонью по его волосам:

— Подожди меня здесь.

Он шагнул вперёд, и за ним расправил крылья огромный феникс — словно следом двинулось

исполинское пылающее облако.

Шёл он широко, поднимая на ходу ветер. Когда он приблизился к Сун Цзиньяо, окружающие культиваторы понятливо расступились, осмеливаясь лишь бросать любопытные взгляды, но не открывать рта.

— Ты меня ненавидишь, — сказал Фу Линцзюнь, остановившись перед ним.

Он был выше Сун Цзиньяо на полголовы, и, стоя лицом к лицу, давил уже одним своим присутствием.

Сун Цзиньяо слишком долго душил в себе ненависть, и теперь она вырвалась наружу целиком. Он прекрасно знал, что не соперник Фу Линцзюню, но на его плечах лежали жизни всего рода Сун из Цзэяна. Как он мог спокойно стоять здесь, а тем более собственными руками поднести ему сердечный огонь!

— Конечно ненавижу! — с горечью выкрикнул Сун Цзиньяо, от волнения срывая голос. — Ты уничтожил весь мой род Сун и ещё явился ко мне в чужом облике! Тебе приятно? Ты наслаждался моей болью и ненавистью, потакая своей мерзкой прихоти?! Чего ты вообще хочешь от меня? Если хочешь убить — убивай. Зачем ещё и унижать меня!

Фу Линцзюнь слегка сузил глаза. Ответ фениксова пламени падал в его тёмные зрачки и переливался в них золотом и алым.

— Забавно, — он впервые узнал, что Сун Цзиньяо думает именно так, и невольно тихо хмыкнул.
— Сам себя изводишь.

— Что ты сказал?!

Сун Цзиньяо уже не мог сдерживать ненависть. Ему хотелось броситься вперёд и убить Фу Линцзюня, даже если сам он тут же погибнет. Всё лучше, чем терпеть такое унижение!

Но в тот самый миг, когда он рванулся вперёд, Фу Линцзюнь одной рукой сложил печать. Поток духовной силы сгустился на кончиках пальцев, и он несколько раз резко ткнул Сун Цзиньяо в грудь, силой вырывая из него нить сердечного огня.

Такого грубого воздействия Сун Цзиньяо не выдержал. Ноги у него подкосились, он рухнул на одно колено и с побелевшим лицом выплюнул несколько больших глотков крови.

Отделить у человека сердечный огонь можно было лишь тогда, когда сила полностью подавляла противника и тот уже не мог сопротивляться.

На самом деле эта слабая нить сердечного огня Фу Линцзюню была вовсе не нужна. Но он не имел привычки оставлять за спиной скрытые опасности.

На кончиках его пальцев ещё клубилась слабая оранжево-красная нить огня. В следующий миг он поднял руку, и сердечный огонь влился в феникса.

— Раз не хочешь отдавать сам, я возьму его своими руками.

Закончив, он развернулся и ушёл.

Под молчаливыми взглядами всех собравшихся культиваторов он прошёл сквозь толпу к кроваво-красному кокону. Неизвестно, с какого момента тот затих, и лишь когда Фу Линцзюнь подошёл совсем близко, сидевший внутри Цзян Чаньюань медленно открыл глаза.

Сквозь багровую оболочку он посмотрел на человека снаружи — и на силу, способную уничтожить сердечного демона, которую тот держал в руках.

Но сейчас Цзян Чаньюань, наоборот, перестал и буйствовать, и безумствовать.

— Выходит, ты больше не хочешь получить благовоние Цзиме? — глухо спросил он.

В долине Тяньбэй души рода Фу, обезумевшие от Благовония Пылающей Души, даже после разрушения печати всё равно не могли упокоиться. Лишь благовоние Цзиме могло полностью снять действие сжигающих душу благовоний.

На губах Фу Линцзюня появилась красивая улыбка:

— Я и не собирался получать его от тебя.

На вид Цзян Чаньюань был спокоен, но в его кроваво-красных глазах всё же дрогнула рябь.

— Вот как? — он тоже улыбнулся, и в этой улыбке мелькнула насмешка. — Значит, тебе совсем не интересно, почему среди более чем тысячи скелетов в долине Тяньбэй не нашлось останков самых близких тебе людей? Ты хоть раз задумывался, где их кости?

Под золотисто-алым светом феникса лицо Фу Линцзюня стало ещё бледнее и холоднее.

— А ещё у тебя нет части души. Если убьёшь меня, боюсь, уже никогда её не найдёшь, — договорив до этого, Цзян Чаньюань вдруг от души расхохотался.

Белые одежды его были испятнаны кровью Янь Цунси, нефритовая корона от яростной схватки

съехала набок, а на лоб выбилось немало прядей. В этих кровавых глазах было слишком много смеха — до отвращения.

От Фу Линцзюня исходила чистая угроза. Голос его был твёрдым и ледяным, словно затвердевший иней, способный перерезать человеку горло.

— Шумный, — бросил он.

Он поднял руку, и огромный феникс подлетел к нему, намереваясь дотла выжечь сердечного демона, запертого в печати.

Сначала пламя лизало лишь границы барьера, и Цзян Чаньюань всё ещё улыбался. Но когда изначальное пламя, вобравшее сердечный огонь тысяч культиваторов, добралось до края его одежды, сила, способная сжечь душу без остатка, заставила его смех оборваться. Вместо этого раздался грубый рёв, и даже кроваво-красные глаза стали выглядеть ещё страшнее.

— Фу Шэн! Неужели ты и правда не хочешь знать?! — в коконе его снова захлестнуло безумие. Там, где изначальное пламя коснулось тела, огонь уже нельзя было просто так сбить, а уж пламя дома Фу, подавляющее сердечного демона, прожигало особенно беспощадно. От его длинных красивых, будто выточенных из нефрита, пальцев быстро потянуло гарью.

— Они уже мертвы. Неужели ты даже шанса на перерождение им не хочешь дать?!

— Фу Шэн, ты слишком эгоистичен!

Пылающей ладонью он снова и снова яростно бил в кокон. Кровавая оболочка тут же шла тяжёлыми кругами, будто вот-вот расколется под ударами, — но в следующий миг снова становилась прежней, несокрушимой.

И в этот самый момент Янь Цунси, до сих пор сидевший под обрушившейся беседкой и залечивавший раны, открыл глаза. На этот раз он даже не позволил Е Чжэнвэню себя поддержать — только слегка покачнувшись и, спотыкаясь, направился к кровавому кокону.

— Дядя... — Е Чжэнвэнь до крови прикусил губу, не скрывая тревоги.

Хуай Шоусинь тихо покачал головой.

— Пусть идёт, — вздохнул он. — Когда-то, во время подавления демона, Цзян Чаньюань едва не погиб, и именно Янь Цунси спас его силой своей крови. Их кровь смешалась: они были друг другу больше чем просто названные братья.

Как за короткое время оправиться от раны, нанесённой предательством самого близкого

друга?

Лицо Янь Цунси было белым, как бумага. Казалось, стоит ветру подуть чуть сильнее — и вместе с ним унесёт и остаток его жизни. Он легко положил руку на плечо Фу Линцзюня и спросил:

— Можно... я задам ему несколько вопросов?

Фу Линцзюнь чуть приподнял бровь:

— До его смерти — можно.

Янь Цунси помолчал и поднял взгляд на это знакомое и в то же время чужое лицо.

— После того как Фу Юэбай позволил тебе воспользоваться изначальным пламенем и разорвал с тобой все отношения, он ведь уже понял, что у тебя есть сердечный демон. Так?

Движение внутри кокона вдруг оборвалось.

Пламя продолжало гореть, но Цзян Чаньюань внезапно перестал и сопротивляться, и говорить. Он просто тихо стоял на месте.

Янь Цунси, похоже, и не ждал, что тот что-то ответит.

После того как Цзян Чаньюань пронзил ему сердце одним ударом меча, а потом Хуай Шоусинь с трудом вытащил его с того света лекарствами, во время лечения он раз за разом прокручивал в голове слишком многое.

И теперь, если исходить из того, что Цзян Чаньюань скрывал своего сердечного демона тысячи и тысячи лет, всё это будто наконец получило точные объяснения.

Он словно говорил уже не с Цзян Чаньюанем, а шаг за шагом собственными руками срывал покров с правды о тех годах.

— Поэтому ты и должен был убить его, — пробормотал Янь Цунси. — Фу Юэбай узнал твою тайну. Значит, узнал бы и весь род Фу.

— И то, что тогда Фу Шэн внезапно обезумел, тоже было целиком устроено тобой.

К этому времени бушующее пламя уже добралось Цзян Чаньюаню до груди. Всё его тело обгорало под изначальным пламенем, и вид у него стал ужасающим.

Янь Цунси всё так же смотрел на человека внутри кокона.

Жаль только, что теперь он уже не мог разглядеть выражение его лица.

— Благовоние Пылающей Души в руках у Сун Юнчжэна тоже появилось от тебя.

— Ци Юаньлан погиб из-за тайны утёса Жисы. Ты хотел использовать тело культиватора, чтобы взрастить оболочку, способную вместить сердечного демона.

— Столько лет ты пожирал тени душ простых смертных и откармливал ими своего демона. Сколько людей за это время погибло — уже и не счесть.

До сих пор он произносил всё это тоном утверждения, перечисляя вещи, которые только что понял. Но последний вопрос всё же задал вслух:

— Чаньюань. Не тяжело ли было тебе все эти годы носить чужую маску?

Шум пламени становился всё громче.

Стоявший в коконе человек, охваченный изначальным пламенем, будто вовсе не ощущал боли, которая должна была прожигать до костей. Он только спокойно спросил в ответ:

— Янь Цунси, кем ты всегда меня считал?

Если бы кровавый кокон рассеялся, если бы ревущее пламя не заслоняло черты его лица, Янь Цунси, наверное, увидел бы, как в этот миг кроваво-красные глаза Цзян Чаньюаня постепенно снова становятся тёмными, глубокими, как прежде.

Перед Янь Цунси стоял жалкий и измождённый, но всё же до боли знакомый человек.

— Другом? Родственной душой? — его тело уже начинало рассыпаться, мучительная боль впивалась даже в самую душу, но взгляд становился лишь мягче. — Ты ничего не знал, Янь Цунси.

Янь Цунси смутно почувствовал, что за этими словами прячется что-то ещё:

— Что ты имеешь в виду?

С юности они вместе росли и вместе совершенствовались. Янь Цунси всегда считал его самым близким другом на всю жизнь, никогда не думал ни сомневаться в нём, ни тем более предавать его. Это ведь сам Цзян Чаньюань хотел его убить! Это он скрывал такой страшный секрет и

тысячи лет лгал ему!

Цзян Чаньюань, уже избавившийся от кровавого цвета в глазах, смотрел прямо на Янь Цунси. Пламя разгоралось всё сильнее, и даже душа его вот-вот должна была сгореть без остатка в бесчисленных нитях сердечного огня.

Его силуэт в коконе начал понемногу исчезать — снизу вверх, словно лист бумаги, который догорал на глазах.

В конце концов от этого листа остался один пепел. Порыв ветра подхватил его и унёс в небо вместе с гарью, висевшей над всем городом, — далеко-далеко.

Будто в этой струйке дыма ещё сохранялась душа Цзян Чаньюаня.

Янь Цунси вздрогнул всем телом, и в горло снова хлынула кровь.

Он проглотил этот кровавый ком и медленно пошёл обратно, волоча ставшие неподъёмными ноги. На каждом шаге перед глазами вспыхивали картины их общего прошлого с Цзян Чаньюанем. А потом силы окончательно покинули его: он с тяжёлым стуком рухнул на одно колено, и кровь из уголка губ тут же потекла по подбородку и шее.

Все культиваторы молчали.

Не из-за смерти Цзян Чаньюаня, а из-за того, что только что сказал Янь Цунси: слишком уж невероятными были эти слова.

Выходило, что Фу Юэбай из Гуанлина разорвал отношения с Цзян Чаньюанем вовсе не из зависти к тому, что тот раньше него вошёл в область святого.

Выходило, что внезапное безумие Фу Шэна и последовавшая за ним резня среди своих, скорее всего, тоже были спланированы Цзян Чаньюанем — лишь бы тайна о его сердечном демоне не всплыла наружу.

А дальше шли и другие ужасы: Сун Юнчжэн из Цзэяна, Ци Юаньлан, погибший из-за утёса Жисы, глава рода Гу из Цзянлияна, упомянутый им злой дух, пропадавшие поблизости смертные с чисто-иньским бацзы... Любого из этих дел по отдельности уже хватило бы, чтобы назвать человека чудовищем. А тут всё это навалилось разом.

И что ещё страшнее — во многих из этих вещей так или иначе фигурировал Фу Шэн. Если всё сказанное правда, значит, они слишком сильно ошибались в нём.

Теперь многие культиваторы невольно начали вспоминать, не наговорили ли они раньше чего

лишнего. И каждый быстро пришёл к неприятному выводу: наговорил. Да ещё и немало.

Они украдкой поглядывали на Фу Линцзюня и тут же отводили глаза, не смея поднять головы.

Наконец кого-то всё же вытолкали вперёд. Это был тот самый культиватор, который прежде вызвался пойти и потребовать у Фу Линцзюня сердечный огонь обратно. Судя по виду, теперь он уже горько сожалел, что сам взялся за такое дело.

— Гос... господин Юйань... — растянув губы в самой угодливой улыбке, он осторожно спросил:
— А наш сердечный огонь?..

Когда Фу Линцзюнь втянул изначальное пламя обратно из кокона, в душе у него мелькнуло смутное чувство, что что-то здесь не так. Но Цзян Чаньюань ведь только что у него на глазах окончательно рассыпался в ничто. Изначальное пламя сожгло его до осколков, которые исчезли в воздухе. Ошибки быть не могло.

Развернувшись, он быстрым шагом пошёл обратно к Цзян Тану, взял эту мягкую белую ладонь и начертил на ней сложный знак.

Бледно-золотое сияние тут же скрылось в ладони Цзян Тана.

А затем он чуть вскинул брови, и между ними проступила привычная надменность:

— А когда это я говорил, что верну его после того, как использую?

<http://bllate.org/book/17032/1721943>